

Кирилук Светлана Васильевна

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОД ПОНЯТИЯ ДОРОГА В НЕМЕЦКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ

Статья рассматривает пространственную организацию немецкой народной сказки, материализованную понятием дорога. Дорога занимает ключевую позицию в формировании сюжета сказки и ее локально-темпорального комплекса. Основное внимание автор акцентирует на моделях пространства, которые задаются лексическими единицами, группирующимися вокруг понятия "дорога" в немецкой народной сказке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/2-2/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 104-107. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.11

Филологические науки

*Статья рассматривает пространственную организацию немецкой народной сказки, материализованную понятием **дорога**. Дорога занимает ключевую позицию в формировании сюжета сказки и ее локально-темпорального комплекса. Основное внимание автор акцентирует на моделях пространства, которые задаются лексическими единицами, группирующимися вокруг понятия «дорога» в немецкой народной сказке.*

Ключевые слова и фразы: мифопоэтический хронотоп; когнитивная модель; медиатор; эмпирическое пространство; дуальность; дискретность.

Кирилюк Светлана Васильевна

*Николаевский национальный университет имени В. О. Сухомлинского, Украина
lazarb@mksat.net*

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОД ПОНЯТИЯ *ДОРОГА* В НЕМЕЦКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ®

Проблемы исследования пространства и времени всегда находились в центре внимания философов, лингвистов, литературоведов. Попытки понять и объяснить эти фундаментальные категории мировосприятия человека известны еще с давних времен. Для древней модели мира пространство имело исключительно важное значение. В. Н. Топоров, анализируя свойства мифопоэтического восприятия пространства, подчеркивает его неразрывность со временем. Для первобытного или архаического мышления любая попытка определения пространства без соотношения с определенным отрезком времени принципиально неполная и тем самым лишена статуса действительности и сакральности. С точки зрения автора, время в мифопоэтическом хронотопе сгущается и становится формой пространства (оно «специализуется») и тем самым как бы выводится вовне, откладывается, экстенсифицируется), его новым («четвертым») измерением [9, с. 232].

Несмотря на ряд работ, касающихся различных аспектов понимания пространства, исследовательское внимание до сих пор не было сосредоточено на реализации данной категории в немецких народных сказках [1; 3; 5; 8]. Изучение пространства как отражения картины национального сознания позволяет рассмотреть его в виде определенной модели, воспринятой и переосмысленной сознанием людей той или иной культуры. Народная сказка как фольклорный жанр дает богатый эмпирический материал исследования для изучения специфических представлений и верований людей той эпохи, когда создавались сказки. Знания о мире и окружении фиксировались в тексте народной сказки в образах сказочных персонажей, событиях и элементах сюжета, который имел устойчивую трехчленную модель развития и был построен на преодолении определенных преград героями сказки для достижения поставленной цели. Ключевую позицию в формировании сюжета сказки всегда занимает дорога, которая воспринимается не только как определенный отрезок действительности, место развертывания действий, но и как жизненный путь героя. Дорога как связующее звено между родиной героя и дальней страной, в которую он отправляется, выступает одним из символов локально-темпорального комплекса немецкой народной сказки и объективирует открытое пространство [7, с. 154].

Поскольку пространство непосредственно связано со временем, эти две категории выступают организующим стержнем когнитивного восприятия дороги в немецкой народной сказке. *Актуальность* избранной темы обусловлена необходимостью обращения к мифологическому сознанию и мировидению различных народов на архаических стадиях развития, содержащих богатейшую информацию, связанную со специфическим оценочным представлением о мире.

Объектом настоящего исследования выступают пространственные отношения, материализованные понятием *дорога* в немецкой народной сказке.

В качестве *предмета* определена когнитивная характеристика понятия *дорога*, а именно модели пространства, которые задаются лексическими единицами, группирующимися вокруг данного понятия в немецкой народной сказке.

Анализ фактического материала свидетельствует о доминировании в народной сказке когнитивной модели открытого пространства. Данная макромодель реализуется вследствие развертывания нескольких моделей.

Модель открытого пространства как места, не имеющего границ, Вселенная:

«Es war einmal ein König, der hatte drei Söhne. Die schickte er in die Welt hinaus, damit sie etwas lernen sollten» [13, S. 7]. / «Жил-был король, у которого было три сына. Отправил он их во все концы света, чтобы они чему-либо научились». (Здесь и далее перевод автора – К. С.)

«Da nahm er von seinen Eltern Abschied, hing seinen Jägerranzen und seine Flinte um und zog in die Welt» [12, S. 581]. / «Тогда он попрощался со своими родителями, повесил свою охотничью сумку и ружье и отправился странствовать по свету».

Маркером, благодаря которому разворачивается данная модель, выступает лексическая единица *die Welt*, которая отображает идею беспрепятственного развертывания в пространстве, отсутствие преград, открытость,

космическую видимость, дневной свет, свободу [10, с. 69]. Пространство данной модели необычайно велико, оно безгранично, бесконечно, но одновременно тесно связано с действием, не самостоятельно, но и не имеет отношения к реальному пространству.

Наличие дополнительного модификатора *weit*, в семантической мотивировке которого отражается идея движения, движения вперед, имплицитно пересечение рубежа, расширение границ:

«*So ging sie immerzu in die weite Welt hinein, und schaute nicht um sich und ruhte sich nicht, und waren fast die sieben Jahre herum: da freute sie sich und meinte, sie wären bald erlöst, und war noch so weit davon*» [12, S. 440]. / «Так шла она **все дальше и дальше по белу свету**, и не оглядывалась, и не отдыхала, и минуло уже почти семь лет: тут она обрадовалась и думала, что скоро они будут освобождены, но до этого было еще слишком далеко».

«*Es hatte nicht Ruhe und Rast, bis es sich heimlich aufmachte und in die weite Welt ging, seine Brüder irgendwo aufzuspielen und zu befreien, es möchte kosten, was es wollte*» [Ibidem, S. 173]. / «И не было у нее покоя, пока она тайно не собралась **в далекую дорогу**, чтобы разыскать своих братьев и освободить их во что бы то ни стало».

Как указывают примеры, внутренняя форма прилагательного *weit* апеллирует к таким смыслам, как «вперед, в ширину, вовне, вовнутрь», а дальше «открытость, воля», и делит пространство на части [9, с. 239]. Мифопоэтическая Вселенная не просто широкое, развертывающееся вовне, открытое, свободное (точнее, вольное) пространство. Это пространство к тому же организовано изнутри в том отношении (по меньшей мере), что оно расчленено, состоит из частей [Там же, с. 240]. Отождествление далекого с непонятным и чужим, а близкого – с понятным, своим, родным вкладывается в общую модель мира. В связи с этим в фокусе внимания находится не объективный размер расстояния, а идея противопоставления двух пространств «свое» — «чужое». Данная оппозиция реализуется в обозначении границ пространства, где выделяется сакральный центр «близкого» и профаничная периферия «далекого», и дорога как эксплициатор открытого пространства является центральной при формировании данной оппозиции. Это подтверждается следующими примерами:

«*Ein reicher Bauer stand eines Tages in seinem Hof und schaute nach seinen Feldern und Gärten: das Korn wuchs kräftig heran und die Obstbäume hingen voll Früchte*» [12, S. 792]. / «Однажды стоял богатый крестьянин у себя во дворе и смотрел на свои поля и сады: хлеба выросли густые, а деревья были полны плодов».

«*Es war einmal eine Königstochter, die hatte in ihrem Schloß hoch unter der Zinne einen Saal mit zwölf Fenstern, die gingen nach allen Himmelsgegenden, und wenn sie hinaufstieg und umherschaut, so konnte sie ihr ganzes Reich übersehen*» [Ibidem, S. 772]. / «Жила-была однажды королева, и был у нее во дворце, высоко, под самою крышей башни, зал с двенадцатью окнами, выходившими на все стороны света; и когда она подымалась в зал и смотрела вокруг, то могла окинуть взглядом **все свое королевство**».

Постижение своего мира, своего места в пространстве обозначается в немецких народных сказках через разнообразные пространственные образы дома (*das Haus*), двора (*der Hof*), окрестностей (*die Felder und Gärten*), родной земли (*das Reich*) и образует замкнутое пространство. Употребление притяжательных местоимений (*sein, ihr – seiner*) наделяет это пространство определенными признаками: «родной», «беспечный» и противопоставляет его открытому внешнему пространству как «чужому», «далекому», «враждебному».

Таким образом, рассмотренная нами пространственная модель позволяет сделать вывод о том, что неопределенность пространственной локализации дороги наполняет сказку особым содержанием и описывает некоторое ирреальное, гипотетическое пространство – пространство, которое не имеет протяженности, но наделено однородностью, равноценностью полюсов [11, с. 47]. «Дальность» (*die weite Welt*) в связи с этим выступает в народной сказке символом разъединенности, противопоставления двух пространств «свое» – «чужое».

1) Модель собирания открытого пространства через освоение его частей:

«*Sie gingen den ganzen Tag über Wiesen, Felder und Steine, und wenn es regnete, sprach das Schwesterchen Gott und unsere Herzen, die weinen zusammen*» [12, S. 91]. / «Шли они целый день **по лугам, по полям, по горам**, а когда шел дождь, говорила сестричка: „Господь и наши сердца плачут вместе—»

«*Sie machten sich also auf, und waren schon weite Wege und über viele Grashälmerchen gegangen, aber das Glück war ihnen noch nicht begegnet*» [Ibidem, S. 308]. / «И отправились они таки в дорогу, и прошли уже **долгий путь и не одну тропинку протоптали**, но счастья так и не повстречали».

Освоение открытого пространства данной модели происходит через природные атрибуты: луга (*Wiesen*), поля (*Felder*), трава (*Grashälmerchen*), камни (*Steine*). Специфической чертой данных лексем является способность непрерывно раздвигать границы пространства за счет использования их в порядке нарастания. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, дорога стремится к описанию. Ее семантика стремится к конкретизации, то есть к сужению сферы референции: имя *дорога* легко принимает дескриптивные атрибуты [2, с. 6].

«*Nach vielem Reisen kam er in einen schönen, großen Wald. Durch den ging ein schöner, breiter Weg*» [13, S. 76]. / «После длительного путешествия попал он в огромный лес. Через лес проходила прекрасная, широкая дорога».

«*Die gestreute Asche hatte der Wind weggeweht, aber die Erbsen und Linsen hatten gekeimt und waren aufgegangen, und zeigten im Mondschein den Weg*» [12, S. 241]. / «Посыпанную по дороге золу развеял ветер, а горох и чечевица пустили ростки и взошли и указывали при лунном сиянии им дорогу».

Использование лексем-конкретизаторов природной среды в народной сказке является своеобразным подтверждением реальности событий, неограниченной свободы движения главного героя. Пространство становится определенным, насыщается временем, реальным жизненным смыслом. В качестве объектов, которые маркируют данное пространство, могут выступать сооружения и населенные пункты:

«*Er ritt mit der schönen Jungfrau weiter, und sein Weg führte ihn wieder **durch das Dorf**, in welchem seine beiden Brüder geblieben waren*» [Ibidem, S. 327]. / «И поехал он с девицей-красавицей дальше, и вела его дорога вновь **через деревню**, в которой остались его оба брата».

«*Wenn nun etwas zu tun war, so musste es der älteste allzeit ausrichten: hieß der Vater noch spät oder gar in der Nacht etwas holen, und der Weg ging dabei über den Kirchhof oder sonst einen schaurigen Ort, so antwortete er wohl – ach nein, Vater, ich gehe nicht dahin, es gruselt mir – denn er fürchtete sich*» [Ibidem, S. 51]. / «Как только нужно было что-нибудь сделать, то всегда все должен был старший делать: просил отец что-нибудь принести поздно порой или даже ночью, и если к тому же дорога проходила мимо кладбища или иного страшного места, он отвечал: — Ахнет, батенька, не пойду я туда, боязно мне».

Интересно отметить, что природные и материальные объекты, которые маркируют данное пространство, не изображаются детально, а только лишь называются: *durch das Dorf* (через деревню), *über den Kirchhof* (мимо кладбища), или им дается незначительная характеристика, которая создает их облик: *einen schaurigen Ort* (страшное место). Пространство только соприкасается с природными локусами, поскольку все действия в народной сказке разворачиваются быстро и динамично. Время, как утверждает Д. С. Лихачев, не останавливается для описания. Оно движется равномерно и сказка не содержит статических составляющих [4, с. 9].

2) Модель растяжения пределов космизированного пространства.

Открытое пространство в тексте народной сказки способно расширяться и сужаться, что дает нам возможность постулировать наличие когнитивной модели растяжения пределов космизированного пространства:

«*Der Junge ging auch seines Wegs und fing wieder an vor sich hin zu reden ach, wenn mirs nur gruselte! ach, wenn mirs nur gruselte!*» [12, S. 54]. / «Парень тоже **пошел своей дорогой**, и снова начал бормотать: — Ахесли б меня только страх пробрал! Ах, если б меня только страх пробрал!»

«*Er dankte dem Männlein, nahm den Spieß auf die Schultern und ging ohne Furcht weiter*» [Ibidem, S. 90]. / «Он поблагодарил человека, взял копье на плечо и без страха **пошел дальше**».

Характер пространства в данных примерах не детерминирован. Неопределенность пространственной локализации передается с помощью лексических единиц *seines Wegs*, *weiter gehen* (своей дорогой идти, дальше идти), указывающих на его открытость, необъятность, всеохватность. В то же время в контексте пространственной организации дороги как медиатора двух миров внимание акцентируется на природных границах открытого пространства, которое включает лексемы, номинирующие реально существующие или воображаемые пограничные линии, отделяющие одну локальную часть от другой. Пространство в данном случае способно сужаться и иметь определенные границы:

«*Da gingen die Söhne miteinander fort, **bis sie an einen Kreuzweg kamen**; dort wollten sie sich trennen. Ehe sie sich trennten, machten sie aus, dass sie jedes Jahr wieder an dem Kreuzweg zusammenkommen wollten*» [13, S. 7]. / «И шли сыновья вместе дальше, **пока не пришли к развилке**; здесь они хотели расстаться. Перед расставанием они договорились, что каждый год будут встречаться на этом месте».

«*Da holte es dem Großvater die Birkenreiser, um Besen zu binden, und ging dann **in das Dorf und in die Stadt und verkaufte sie***» [Ibidem, S. 27]. / «Приносила она бабушке березовый хворост, чтоб плести веники, и шла потом **в село, в город** и продавала их».

Как показывают примеры, маркированность конечной точки способствует дроблению пространства на части. Лексические единицы *bis sie an einen Kreuzweg kamen* (пока не пришли к развилке), *in das Dorf* (в деревню), *in die Stadt* (в город) вербализуют пространственные характеристики и основные координаты. Динамическая легкость сказки ведет, в свою очередь, к переплетению моделей расширенного и раздробленного открытого пространства:

«*Und ging fort, **lange lange Wege**, bis sie endlich zu dem Schloss kam, wo beide zusammen lebten*» [12, S. 441]. / «И шла она дальше долгими длинными дорогами, пока, наконец, не оказалась во дворце, в котором оба жили вместе».

«*Und als sie **lange lange gegangen waren**, kamen sie endlich an ein kleines Haus, und das Mädchen schaute hinein, und weil es leer war, dachte es: hier können wir bleiben und wohnen*» [Ibidem, S. 94]. / «И после того, как они шли долго-долго и подошли, наконец, к маленькой избушке, девочка заглянула во внутрь и, поскольку она была пуста, подумала: „Здесь мы можем остаться жить—»

Как свидетельствуют результаты исследования, данная модель доминирует в немецкой народной сказке. Многоплановость когнитивной модели связана опосредованным образом благодаря главному герою, поскольку описание иного пространства в сказке наступает, когда в нем оказывается герой. Действие, как правило, разворачивается в пространстве, которое постоянно изменяется. Как отмечает В. Я. Пропп, «эти особенности объясняются, по-видимому, ранними формами человеческого мышления. Фольклор знает только эмпирическое пространство, т.е. то пространство, которое в момент действия окружает героя» [6, с. 97].

Как показал анализ исследуемого материала, пространственная модель мира, репрезентируемая понятием *dorogа*, характеризуется в немецкой народной сказке открытостью, безграничностью, дуальностью, дискретностью.

Поскольку в большинстве моделей имплицитно отрезок времени, мы можем постулировать проявление единой категории пространственно-временной локализации, которая соединяет модель в целом. Детальное изучение проявления пространственно-временного аспекта можно отнести к перспективам дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Алексеева А. А. Культурно-ценностное пространство, определившее концептосферу лирики А. Блока // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 1. С. 13-15.
2. Арутюнова Н. Д. Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки динамического мира / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна: Международный университет природы, общества и человека, 1999. С. 3-17.
3. Гаршина Е. А. Лексика с пространственно-временной семантикой в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12. Ч. 1. С. 67-69.
4. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд-е 3-е. М.: Наука, 1979. 353 с.
5. Николова А. Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание // Проблемы когнитивного и функционально-коммуникативного описания русского и болгарского языков: сб. ст. / Шумен. ун-т; под ред. В. Аврамовой. Шумен, 2002. С. 59-92.
6. Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 83-115.
7. Сотникова С. И. Языковая репрезентация пространства в тексте немецкой народной сказки // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Х.: Константа, 2006. № 741. С. 153-156.
8. Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 340-342.
9. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227-284.
10. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. 192 с.
11. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 172 с.
12. Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. München: Artemis & Winkler Verlag, 1995. 848 S.
13. Deutsche Volksmärchen / Gesammelt und herausgegeben von A. Merkelbach. Kassel: Bärenreiter-Verlag. 1950. 211 S.

SPATIAL CODE OF ROAD NOTION IN GERMAN FOLK TALE

Kirilyuk Svetlana Vasil'evna

Nikolaev National University named after V. O. Sukhomlinskiy, Ukraine
lazarb@mksat.net

The article considers the German folk tale spatial organization materialized with the notion **road**. Road takes the key position in the tale plot and local-temporal complex formation. The author pays special attention to space models that are specified by lexical units grouping about «road» notion in the German folk tale.

Key words and phrases: mythical and poetical chronotope; cognitive model; mediator; empirical space; duality; discrecity.

УДК 8; 81-23

Филологические науки

Данная статья посвящена популярному в современной лингвистике эмотиологическому направлению (лингвистике эмоций). Автор исследует языковые средства создания эмотивности в русском и немецком языках на материале текстов песен современных музыкальных коллективов как продукте, направленном на конкретный класс реципиентов с целью получения определенного эмоционального отклика. В статье проводится качественный и количественный анализ, приводятся яркие примеры языковых средств представления эмоций в рассматриваемых языках.

Ключевые слова и фразы: эмотивность; песенный дискурс; эмоция; межкультурная коммуникация; средства языка.

Конюхов Евгений Анатольевич

Московский государственный педагогический университет
schatte@rambler.ru

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ПЕСЕННЫХ ДИСКУРСАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕН ГРУПП DDT И RAMMSTEIN)®**

В жизни невозможно найти такую ситуацию, которую бы человек переживал объективно, эмоции присутствуют всегда. Они являются своеобразными регуляторами деятельности человека, выполняют ряд важнейших функций, таких как сигнальная, регулятивная, одобрения / неодобрения и т.д. [3; 6], они закрепляются в лексике и фразеологии, в грамматике и синтаксисе, получают особые черты при описании, т.е. эксплицируются из человеческого бытия и категоризируются в языке.

Сегодняшняя лингвистика ставит перед собой задачу «налаживания» межкультурной коммуникации. Подобное «налаживание» не может обойтись без учета эмоционального поведения коммуникантов. В многочисленных работах предлагаются попытки определения границ межкультурного общения. Однако часто